

Английский язык с Грэмом Грином

Graham Greene (Грэм Грин)

The Third Man (Третий человек)

Адаптировал **Андрей Бессонов**

Метод чтения Ильи Франка

ONE NEVER knows (никогда не знаешь) when the blow may fall (когда удар может упасть = настигнуть /тебя/). When I saw Rollo Martins first (когда я увидел Ролло Мартинса впервые; *to see — видеть*) I made this note on him (я сделал эту заметку о нем; *to make — делать*) for my security police files (для моих секретных полицейских папок): "In normal circumstances (в нормальных обстоятельствах) a cheerful fool (жизнерадостный дурак). Drinks too much (пьет слишком много) and may cause a little trouble (и может причинить немного беспокойства). Whenever (каждый раз когда) a woman passes (женщина проходит /мимо/) raises his eyes and makes some comment (поднимает свои глаза и делает какой-нибудь комментарий), but I get the impression (но я получаю впечатление = но у меня создается впечатление) that really (что на самом деле) he'd rather not be bothered (он предпочел бы не беспокоиться: «он бы скорее не быть побеспокоенным»; *'d = would*). Has never really grown up (так и не повзрослел: «никогда действительно = *настоящему* не вырос; *to grow — расти*) and perhaps that accounts for the way (и возможно это объясняет способ: «путь») he worshipped Lime (/каким/ он боготворил Лайма)." I wrote there that phrase (я написал там эту фразу; *to write — писать*) "in normal circumstances (в нормальных обстоятельствах)" because I met him first at Harry Lime's funeral (потому что я встретил его впервые на

похоронах Гарри Лайма; *to meet* — *встречать*). It was February (это был февраль), and the grave-diggers (и могильщики; *grave* — *могила*; *to dig* — *копать*) had been forced to use electric drills (были вынуждены использовать электрические дрели) to open the frozen ground in Vienna's central cemetery (чтобы вскрыть замерзшую землю на венском центральном кладбище). It was as if even nature were doing its best (это было как если бы даже природа была старающаяся изо всех сил: «была делающая свое лучшее») to reject Lime (отвергнуть Лайма), but we got him in (но мы засунули его внутрь; *to get* — *получить, сделать*) at last (наконец) and laid the earth back on him like bricks (и положили землю обратно на него, как кирпичи; *to lay* — *класть*). He was vaulted in (он был накрыт куполом/оказался под сводом; *vault* — *свод*), and Rollo Martins walked quickly away (и Ролло Мартинс зашагал быстро прочь) as though his long gangly legs wanted to break into a run (как если бы его длинные неуклюжие ноги хотели сорваться на бег; *gangly* — *долговязый, неуклюжий*), and the tears of a boy ran down his thirty-five-year-old cheeks (и слезы мальчика = *мальчишеские слезы* бежали вниз по его 35-летним щекам). Rollo Martins believed in friendship (Ролло Мартинс верил в дружбу), and that was why what happened later (и поэтому то, что случилось позже) was a worse shock to him (было худшим потрясением для него) than it would have been to you or me (чем это было бы для вас или меня) (you because you would have put it down to an illusion (вам — потому что вы бы сочли это за иллюзию; *to put down* — *опускать, класть; записать на /чей-л./ счет*) and me because at once a rational explanation (а мне — потому что немедленно рациональное объяснение)—however wrongly (каким бы оно ни было неверным)—would have come to my mind (пришло бы мне на ум). If only he had come to tell me then (если бы только он пришел, чтобы рассказать мне тогда), what a lot of trouble would have been saved (какая куча проблем была бы предотвращена).

security [sɪ'kjʊərətɪ], police [pə'li:s], circumstance [ˈsə:kəmstæns], trouble [trʌbl], bother [ˈbɒðə], [ˈfju:n(ə)rəl], Vienna [vɪ'enə], central [ˈsentr(ə)l],

cemetery [ˈsemətɹɪ], nature [ˈneɪtʃə], vault [vɔːlt], illusion [ɪˈluːʒ(ə)n], rational [ˈræʃnəl], explanation [ˌekspləˈneɪʃ(ə)n]

ONE NEVER knows when the blow may fall. When I saw Rollo Martins first I made this note on him for my security police files: "In normal circumstances a cheerful fool. Drinks too much and may cause a little trouble. Whenever a woman passes raises his eyes and makes some comment, but I get the impression that really he'd rather not be bothered. Has never really grown up and perhaps that accounts for the way he worshipped Lime." I wrote there that phrase "in normal circumstances" because I met him first at Harry Lime's funeral. It was February, and the grave-diggers had been forced to use electric drills to open the frozen ground in Vienna's central cemetery. It was as if even nature were doing its best to reject Lime, but we got him in at last and laid the earth back on him like bricks. He was vaulted in, and Rollo Martins walked quickly away as though his long gangly legs wanted to break into a run, and the tears of a boy ran down his thirty-five-year-old cheeks. Rollo Martins believed in friendship, and that was why what happened later was a worse shock to him than it would have been to you or me (you because you would have put it down to an illusion and me because at once a rational explanation—however wrongly—would have come to my mind). If only he had come to tell me then, what a lot of trouble would have been saved.

If you are to understand this strange rather sad story (чтобы вам понять эту странную весьма грустную историю) you must have an impression at least of the background (вы должны иметь = получить впечатление по крайней мере от фона)—the smashed dreary city of Vienna (разрушенный мрачный город Вена) divided up in zones among the four powers (поделенный на зоны между четырьмя властями); the Russian, the British, the American, the French zones (русская, британская, американская, французская зоны), regions marked only by a notice board (районы, отмеченные только табличкой; notice — заметка; уведомление; board — доска), and in the centre of the city (а в центре города),

surrounded by the Ring (окруженный Кольцом) with its heavy public buildings (со своими тяжелыми общественными зданиями) and its prancing statuary (и своими величавыми скульптурами), the Inner Stadt (Внутренний Город = центр города /нем./) under the control of all four powers (под контролем всех четырех властей). In this once fashionable Inner Stadt (в этом когда-то фешенебельном Внутреннем Городе) each power in turn (каждая власть по очереди), for a month at a time (на месяц за один раз), takes (берет), as we call it (как мы называем это), "the chair (престол: «стул» = становится председателем)," and becomes responsible for security (и становится ответственной за безопасность); at night (ночью), if you were fool enough (если вы были достаточно глупец) to waste your Austrian schillings on a night club (чтобы потратить ваши австрийские шиллинги на ночной клуб), you would be fairly certain to see the International Patrol at work (вы бы совершенно точно увидели Интернациональный Патруль за работой)—four military police (четыре военных наряда), one from each power (один от каждой власти), communicating with each other (общавшиеся друг с другом: «с каждым другим») if they communicated at all (если они общались вообще) in the common language of their enemy (на общем языке их врага). I never knew Vienna between the wars (я никогда не знал Вену между войнами), and I am too young to remember the old Vienna (и я слишком молод, чтобы помнить ту старую Вену) with its Strauss music (с ее музыкой Штрауса) and its bogus easy charm (и ее притворно непринужденным очарованием); to me it is simply a city (для меня это просто город) of undignified ruins (лишенных благородства руин; *to dignify* — облагораживать; придавать лоск, достоинство) which turned that February into great glaciers of snow and ice (которые превратились в тот февраль в огромные ледники из снега и льда).

divide [di'vaɪd], notice ['nəʊtɪs], building ['bɪldɪŋ], statuary ['stætʃuəri],
['fæɪʃ(ə)nəbl], Austrian ['ɔstriən], communicate [kə'mju:nɪkeɪt], enemy
['enɪmi], bogus ['bəʊgəs], undignified [ʌn'dɪɡnɪfaɪd], glacier ['glæsiə]

If you are to understand this strange rather sad story you must have an impression at least of the background—the smashed dreary city of Vienna divided up in zones among the four powers; the Russian, the British, the American, the French zones, regions marked only by a notice board, and in the centre of the city, surrounded by the Ring with its heavy public buildings and its prancing statuary, the Inner Stadt under the control of all four powers. In this once fashionable Inner Stadt each power in turn, for a month at a time, takes, as we call it, "the chair," and becomes responsible for security; at night, if you were fool enough to waste your Austrian schillings on a night club, you would be fairly certain to see the International Patrol at work—four military police, one from each power, communicating with each other if they communicated at all in the common language of their enemy. I never knew Vienna between the wars, and I am too young to remember the old Vienna with its Strauss music and its bogus easy charm; to me it is simply a city of undignified ruins which turned that February into great glaciers of snow and ice.

The Danube was a grey flat muddy river (Дунай был серой мелкой мутной рекой) a long way off across the second bezirk (далеко: «долгий путь прочь» через второй округ /нем./), the Russian zone (русская зона) where the Prater lay smashed and desolate and full of weeds (где располагался: «лежал» Пратер, разрушенный, запущенный и полный сорняков; *to lie* — *лежать*; *to smash* — *разбивать/ся/ вдребезги; разбить, сокрушить, уничтожить /противника и т. п./Prater — парк развлечений в Вене), only the Great Wheel revolving slowly (только чертово колесо: «великое/огромное колесо» вращающееся медленно) over the foundations of merry-go-rounds like abandoned millstones (над основаниями каруселей, как заброшенные мельничные жернова), the rusting iron of smashed tanks (ржавеющее железо разбитых танков) which nobody had cleared away (которые никто не убрал: «не вычистил прочь»), the frost-nipped weeds (побитые морозом сорняки; *frost* — *мороз*; *to nip* — *ущипнуть, щипать, кусать; побить, повредить /о ветре, морозе, холоде/)**

(где снег был тонкий). I haven't enough imagination (у меня нет достаточно воображения) to picture it as it had once been (чтобы вообразить это /таким/, каким это когда-то было), any more than I can picture Sacher's Hotel (не больше чем я могу представить отель Захера) as other than a transit hotel for English officers (как /нечто/ другое, чем транзитный отель для английских офицеров) or see the Kartnerstrasse (или увидеть /улицу/ Картнерштрассе) as a fashionable shopping street (как фешенебельную улицу с магазинами) instead of a street which only exists, most of it, at eye level (вместо улицы, которая существует только, бóльшая часть ее, на глазном уровне), repaired up to the first storey (отремонтированная до второго: «первого» этажа). A Russian soldier in a fur cap (русский солдат в меховой шапке) goes by with a rifle over his shoulder (проходит мимо с винтовкой через плечо), and men in overcoats sip ersatz coffee (и люди в шинелях прихлебывают поддельный кофе/кофе-заменитель) in the windows of Old Vienna (в окнах Старой Вены). This was roughly the Vienna to which Rollo Martins came (это была грубо /говоря/ та Вена, в которую Ролло Мартинс приехал) on February 7 (7 февраля) last year (в прошлом году). I have reconstructed the affair as best I can (я восстановил дело, насколько смог: «как лучше всего я могу») from my own files and from what Martins told me (из моих собственных документов и из того, что Мартинс рассказал мне). It is as accurate as I can make it (это настолько точно, насколько я могу сделать это)—I haven't invented a line of dialogue (я не изобрел /ни/ одной строчки диалога) though I can't vouch for Martins' memory (хотя я не могу ручаться за память Мартинса); an ugly story if you leave out the girl (уродливая история, если выпустить: «если ты выпускаешь наружу» девушку): grim and sad and unrelieved (мрачная, грустная и беспросветная: «необлегченная»; *to relieve* — *облегчать*) if it were not for that absurd episode (если бы не тот абсурдный эпизод) of the British Cultural Relations Society lecturer (с лектором Британского Общества Культурных Отношений).

Danube [ˈdænjʊ:b], desolate [ˈdes(ə)lət], foundation [faʊnˈdeɪʃ(ə)n],
imagination [ˌɪmæˈdʒɪneɪʃ(ə)n], instead [ɪnˈsted], rifle [ˈraɪfl], shoulder
[ˈʃəʊldə], roughly [ˈrʌfli], invent [ɪnˈvent], unrelieved [ˈʌnrɪˈli:vɪd], cultural
[ˈkʌltʃ(ə)r(ə)l], society [səˈsaɪəti]

The Danube was a grey flat muddy river a long way off across the second bezirk, the Russian zone where the Prater lay smashed and desolate and full of weeds, only the Great Wheel revolving slowly over the foundations of merry-go-rounds like abandoned millstones, the rusting iron of smashed tanks which nobody had cleared away, the frost-nipped weeds where the snow was thin. I haven't enough imagination to picture it as it had once been, any more than I can picture Sacher's Hotel as other than a transit hotel for English officers or see the Kartnerstrasse as a fashionable shopping street instead of a street which only exists, most of it, at eye level, repaired up to the first storey. A Russian soldier in a fur cap goes by with a rifle over his shoulder, and men in overcoats sip ersatz coffee in the windows of Old Vienna. This was roughly the Vienna to which Rollo Martins came on February 7 last year. I have reconstructed the affair as best I can from my own files and from what Martins told me. It is as accurate as I can make it—I haven't invented a line of dialogue though I can't vouch for Martins' memory; an ugly story if you leave out the girl: grim and sad and unrelieved if it were not for that absurd episode of the British Cultural Relations Society lecturer.

2

A BRITISH subject can still travel (британский подданный может все еще путешествовать) if he is content to take with him (если он есть доволен взять с собой = если он готов удовлетвориться тем, что может взять с собой) only five English pounds (только пять английских фунтов) which he is forbidden to

spend abroad (которые ему запрещено тратить за границей; *to forbid* — *запрещать; не позволять*), but if Rollo Martins had not received an invitation from Lime (но если бы Ролло Мартинс не получил приглашение от Лайма) he would not have been allowed to enter Austria (он бы не был допущен въехать в Австрию) which counts still as occupied territory (которая считается все еще оккупированной территорией). Lime had suggested that Martins might "write up" (Лайм предложил, что Мартинс мог бы притворно указать в качестве цели приезда) the business of looking after the international refugees (дело присматривания за международными беженцами), and although it wasn't Martins' usual line (и хотя это не было обычное поведение: «обычная линия» Мартинса), he had consented (он согласился). It would give him a holiday (это дало бы ему отдых: «отпуск») and he badly needed a holiday (а он ужасно нуждался в отдыхе) after the incident in Dublin and the other incident in Amsterdam (после происшествия в Дублине и другого происшествия в Амстердаме); he always tried to dismiss women as "incidents," (он всегда отделять от женщин как от «происшествий» = относиться к женщинам как к случайным происшествиям) things that simply happened to him (как к вещам, которые просто случались с ним) without any will of his own (без какой-либо его собственной воли), acts of God in the eyes of insurance agents (/подобно/ действиям Бога в глазах страховых агентов). He had a haggard look (он имел изможденный вид) when he arrived in Vienna (когда прибыл в Вену) and a habit of looking over his shoulder (и привычку смотреть: «смотрения» через его плечо) that for a time made me suspicious of him (которая на время сделала меня подозрительным к нему = показалась мне в нем подозрительной) until I realised (пока я не сообразил) that he went in fear (что он жил в страхе: «шел в страхе») that one of say six people (что один из, скажем, шести людей) might turn up unexpectedly (мог бы объявиться неожиданно). He told me vaguely (он сказал мне туманно; *to tell* — *рассказать*) that he had been mixing his drinks (что он /раньше/ смешивал свои напитки)—that was another way of putting it (это был ещё один способ

выразить это).

Rollo Martins' usual line (Ролло Мартинса обычное занятие: «линия») was the writing of cheap, paper covered Westerns (было написание дешевых, /продающихся/ в /мягкой/ обложке вестернов; *paper* — бумага; *to cover* — покрывать) under the name of Buck Dexter (под именем Бака Декстера). His public was large but unremunerative (его аудитория была большая, но неденежная; *unremunerative* — неприбыльный; *remunerative* — вознаграждающий; выгодный, прибыльный; *to remunerate* — вознаграждать, компенсировать, оплачивать). He couldn't have afforded Vienna (он не смог бы позволить себе Вену) if Lime had not offered to pay his expenses (если Лайм не предложил бы оплатить его расходы) when he got there (когда он попадет туда; *to get* — получать; *попадать, добираться*) out of some vaguely described propaganda fund (из какого-то туманно описанного пропагандистского фонда). He could also (он мог также), he said (как он сказал), keep him supplied with paper *Bafs* (постоянно снабжать его бумажными *Бафами*: «держат его снабженным с бумажными *Бафами*») — the only currency in use from a penny upwards (единственной валютой в употреблении от пенни и выше) in British hotels and clubs (в британских отелях и клубах). So it was with exactly five unusable pound notes that Martins arrived in Vienna (так что Мартинс прибыл в Вену как раз: «точно» с пятью неупотребимыми фунтовыми банкнотами = которые невозможно было потратить).

subject [ˈsʌbdʒɪkt], content /прилаг./ [kənˈtɛnt], receive [rɪˈsi:v], invitation [ˌɪnvɪˈteɪʃ(ə)n], occupied [ˈɔkjʊpaɪd], territory [ˈterɪt(ə)rɪ], refugee [ˌrefjuˈdʒi:], incident [ˈɪnsɪd(ə)nt], dismiss [dɪsˈmɪs], insurance [ɪnˈʃʊər(ə)ns], haggard [ˈhæɡəd], suspicious [səˈspɪʃəs], vaguely [ˈveɪɡlɪ], usual [ˈju:ʒuəl], cover [ˈkʌvə], remunerative [rɪˈmjʊ:n(ə)rətɪv], afford [əˈfɔ:d], currency [ˈkʌr(ə)nsɪ]

A BRITISH subject can still travel if he is content to take with him only five

English pounds which he is forbidden to spend abroad, but if Rollo Martins had not received an invitation from Lime he would not have been allowed to enter Austria which counts still as occupied territory. Lime had suggested that Martins might "write up" the business of looking after the international refugees, and although it wasn't Martins' usual line, he had consented. It would give him a holiday and he badly needed a holiday after the incident in Dublin and the other incident in Amsterdam; he always tried to dismiss women as "incidents," things that simply happened to him without any will of his own, acts of God in the eyes of insurance agents. He had a haggard look when he arrived in Vienna and a habit of looking over his shoulder that for a time made me suspicious of him until I realised that he went in fear that one of say six people might turn up unexpectedly. He told me vaguely that he had been mixing his drinks—that was another way of putting it. Rollo Martins' usual line was the writing of cheap, paper covered Westerns under the name of Buck *Dexter*. His public was large but unremunerative. He couldn't have afforded Vienna if Lime had not offered to pay his expenses when he got there out of some vaguely described propaganda fund. He could also, he said, keep him supplied with paper *Bafs*—the only currency in use from a penny upwards in British hotels and clubs. So it was with exactly five unusable pound notes that Martins arrived in Vienna.

An odd incident had occurred at Frankfurt (странный случай приключился во Франкфурте) where the plane from London grounded for an hour (где самолет из Лондона приземлился на час). Martins was eating a hamburger in the American canteen (Мартинс ел гамбургер в американском буфете) (a kindly air line supplied the passengers with a voucher (любезная авиакомпания снабжала пассажиров ваучером) for 65 cents of food (на 65 центов еды)) when a man he could recognise from twenty feet away as a journalist (когда человек в котором он на расстоянии двадцати футов мог признать журналиста) approached his table (приблизился к его столу).

"You Mr. Dexter (вы мистер Декстер)?" he asked (спросил он).

"Yes," Martins said, taken off his guard (пойманный врасплох: «взятый вне своей охраны»); *guard* — охрана, защита; гвардия).

"You look younger than your photographs (вы выглядите моложе, чем ваши фотографии)," the man said (сказал тот человек). "Like to make a statement (хотите сделать заявление)? I represent the local forces paper here (я представляю газету местных /размещенных здесь/ вооруженных сил). We'd like to know (мы бы хотели знать) what you think of Frankfurt (что вы думаете о Франкфурте)."

"I only touched down ten minutes ago (я только приземлился десять минут назад; *to touch* — касаться; *down* — вниз)."

"Fair enough (совершенно достаточно откровенно; *fair* — красивый; чистый; честный; полностью, совершенно, абсолютно)," the man said (человек сказал). "What about views on the American novel (что насчет взглядов на американский роман)?"

"I don't read them (я не читаю их)," Martins said (сказал Мартинс).

"The well known acid humour (хорошо известный едкий юмор; *to know* — знать)," the journalist said (сказал журналист). He pointed at a small grey-haired man (он указал на маленького седоволосого человека; *grey* — серый, седой) with two protruding teeth (с двумя торчащими зубами; *to protrude* — высовываться, выдаваться), nibbling a bit of bread (грызущего кусочек хлеба). "Happen to know (не знаете ли случайно: «случаетесь знать») if that's Carey (не Кэри ли это)?"

"No (нет). What Carey (какой Кэри)?"

"J. G. Carey of course (Дж. Г. Кэри конечно)."

"I've never heard of him (я никогда не слышал о нем)."

"You novelists live out of the world (вы романисты живете вне мира = в своем мире). He's my real assignment (он мое настоящее задание = собственно, он мое задание)," and Martins watched him make across the room (и Мартинс смотрел, как тот пересекает комнату) for the great Carey (к великому Кэри), who greeted him with a false headline smile (который встретил его фальшивой

газетной улыбкой; *headline* — *газетный заголовок*), laying down his crust (кладя вниз свою корочку хлеба). Dexter wasn't the man's assignment (Декстер не был заданием этого человека), but Martins couldn't help feeling a certain pride (но Мартинс не мог отделаться от чувства некоторой гордости: «но Мартинс не мог помочь чувствовать некоторую гордость»)—nobody had ever before referred to him as a novelist (никто когда-либо раньше не обращался к нему как к романисту); and that sense of pride and importance (и это чувство гордости и важности) carried him over the disappointment (перенесло его через разочарование = смягчило разочарование) when Lime was not there to meet him at the airport (когда Лайм не был там, чтобы встретить его в аэропорте = оказалось, не встречал его). We never get accustomed to (мы никогда не привыкаем: «не становимся привыкшими») being less important to other people than they are to us (быть менее важными другим людям, чем они нам)—Martins felt the little jab of dispensability standing by the bus door (Мартинс почувствовал маленький укол /своей/ ненужности, стоя у автобусной двери; *to feel* — *чувствовать*; *to dispense* — *раздавать, делить, распределять; освобождать (от обязательства); to dispense with* — *обходиться без чего-л.; dispensable* — *необязательный; несущественный*), watching the snow come sifting down (глядя, как сыплется вниз снег), so thinly and softly (так тонко и мягко) that the great drifts among the ruined buildings (что огромные сугробы между разрушенными зданиями) had an air of permanence (имели вид постоянства), as though they were not the result of this meagre fall (как если бы они были не результатом этого скудного снегопада), but lay, forever (но лежали, всегда), above the line of perpetual snow (над линией вечного снега).

occur [ə'kə:], journalist [ˈdʒɜ:nəlist], canteen [kæn'ti:n], approach [ə'prəʊtʃ], guard [ˈgɑ:d], represent [ˌreprɪ'zent], novel [ˈnɒv(ə)l], acid [ˈæsid], humour [ˈhju:mə], protrude [prə'tru:d], assignment [ə'sainmənt], certain [ˈsə:t(ə)n], importance [ɪm'pɔ:t(ə)ns], disappointment [ˌdɪsə'pɔɪntmənt], accustom

[ə'kʌstəm], dispensable [dɪ'spensəbl], permanence [ˈpə:mənəns], result [rɪ'zʌlt], meagre [ˈmi:gə], perpetual [pə'petʃuəl]

An odd incident had occurred at Frankfurt where the plane from London grounded for an hour. Martins was eating a hamburger in the American canteen (a kindly air line supplied the passengers with a voucher for 65 cents of food) when a man he could recognise from twenty feet away as a journalist approached his table.

"You Mr. Dexter?" he asked.

"Yes," Martins said, taken off his guard.

"You look younger than your photographs," the man said. "Like to make a statement? I represent the local forces paper here. We'd like to know what you think of Frankfurt."

"I only touched down ten minutes ago."

"Fair enough," the man said. "What about views on the American novel?"

"I don't read them," Martins said.

"The well known acid humour," the journalist said. He pointed at a small grey-haired man with two protruding teeth, nibbling a bit of bread. "Happen to know if that's Carey?"

"No. What Carey?"

"J. G. Carey of course."

"I've never heard of him."

"You novelists live out of the world. He's my real assignment," and Martins watched him make across the room for the great Carey, who greeted him with a false headline smile, laying down his crust. Dexter wasn't the man's assignment, but Martins couldn't help feeling a certain pride—nobody had ever before referred to him as a novelist; and that sense of pride and importance carried him over the disappointment when Lime was not there to meet him at the airport. We never get accustomed to being less important to other people than they are to us—Martins felt the little jab of dispensability standing by the bus door, watching the snow come sifting down, so thinly and softly that the great drifts among the ruined

buildings had an air of permanence, as though they were not the result of this meagre fall, but lay, forever, above the line of perpetual snow.

There was no Lime to meet him at the Hotel Astoria (не было никакого Лайма, чтобы встретить его в гостинице Астория) where the bus landed him (где автобус высадил его), and no message (и никакой записки; *message* — *сообщение; извещение, письмо*)—only a cryptic one for Mr. Dexter (только одна таинственная для мистера Декстера) from someone he had never heard of (от кого-то, о котором он никогда не слышал) called Crabbin (по имени Крэббин). "We expected you on tomorrow's plane (мы ожидали вас на завтрашнем самолете = полагали, что вы прилетите завтра). Please stay where you are (пожалуйста, остановитесь, где вы есть = где вы сейчас находитесь). On the way round (здесь в окрестности; *way* — *путь; направление; /разг./ район, местность, сторона*). Hotel room booked (гостиничный номер заказан)," but Rollo Martins wasn't the kind of man who stayed around (но Ролло Мартинс не был таким человеком, который оставался в окрестности/неподалеку). If you stayed around in a hotel lounge (если ты остаешься в гостиничном холле) sooner or later (рано или поздно: «скорее или позже») incidents occurred (случаются инциденты/происшествия); one mixed one's drinks (человек смешивает/ты смешиваешь свои напитки; *to mix a drink* — *приготовить напиток*). I can hear Rollo Martins saying to me now (я могу слышать, как Ролло Мартинс говорит мне теперь), "I've done with incidents (я покончил с происшествиями). No more incidents (никаких больше происшествий)," before he plunged head first (перед тем, как он окунулся/нырнул головой вперед) into the most serious incident of all (в самое серьезное происшествие из всех). There was always a conflict in Rollo Martins (в Ролло Мартинсе всегда = *постоянно был конфликт*)—between the absurd Christian name (между абсурдным личным: «христианским» именем) and the sturdy Dutch (four generations back) surname (и крепкой голландской (четыре поколения назад) фамилией; *sturdy* — *прочный, крепкий*). Rollo looked at every woman that passed (Ролло смотрел

на каждую женщину, которая проходила мимо), and Martins renounced them forever (а Мартинс отвергал их навсегда; *to renounce* — *отказываться /от чего-л.; обыкн. путем формального заявления/; отвергать*). I don't know which of them wrote the Westerns (я не знаю, который из них писал вестерны). Martins had been given Lime's address (Мартинс получил адрес Лайма: «Мартинсу был дан...») and he felt no curiosity about the man called Crabbin (и он не испытывал никакого любопытства к человеку по имени Крэббин); it was too obvious that a mistake had been made (было слишком очевидно, что была сделана = *произошла ошибка*), though he didn't yet connect it with the conversation at Frankfurt (хотя он еще не связал ее с разговором во Франкфурте). Lime had written that he could put Martins up in his own flat (Лайм написал, что он мог поселить Мартинса в своей собственной квартире; *to put up* — *принимать, давать приют /гостям/*), a large apartment on the edge of Vienna (в большой квартире на краю Вены) that had been requisitioned from a Nazi owner (которая была изъята у нацистского владельца; *to requisition* — *изымать, конфисковать, реквизировать*). Lime could pay for the taxi when he arrived (Лайм мог заплатить за такси, когда он приедет), so Martins drove straight away (так что Мартинс поехал прямо; *to drive* — *ездить, водить машину*) to the building lying in the third (British) zone (к зданию, расположенному в третьей (британской) зоне). He kept the taxi waiting (он попросил таксиста подождать: «держал такси ждущим»; *to keep* — *держат, хранить; удерживать в каком-л. состоянии*) while he mounted to the third floor (в то время как сам поднялся на четвертый: «третий» этаж).

message [ˈmesɪdʒ], lounge [ˈlaʊndʒ], incident [ˈɪnsɪd(ə)nt], serious [ˈsɪəriəs], address [əˈdres], apartment [əˈpɑːtmənt], requisition [ˌrekwiˈzɪʃ(ə)n], Nazi [ˈnɑːtsɪ]

There was no Lime to meet him at the Hotel Astoria where the bus landed him, and no message—only a cryptic one for Mr. Dexter from someone he had never heard

of called Crabbin. "We expected you on tomorrow's plane. Please stay where you are. On the way round. Hotel room booked," but Rollo Martins wasn't the kind of man who stayed around. If you stayed around in a hotel lounge sooner or later incidents occurred; one mixed one's drinks. I can hear Rollo Martins saying to me now, "I've done with incidents. No more incidents," before he plunged head first into the most serious incident of all. There was always a conflict in Rollo Martins—between the absurd Christian name and the sturdy Dutch (four generations back) surname. Rollo looked at every woman that passed, and Martins renounced them forever. I don't know which of them wrote the Westerns. Martins had been given Lime's address and he felt no curiosity about the man called Crabbin; it was too obvious that a mistake had been made, though he didn't yet connect it with the conversation at Frankfurt. Lime had written that he could put Martins up in his own flat, a large apartment on the edge of Vienna that had been requisitioned from a Nazi owner. Lime could pay for the taxi when he arrived, so Martins drove straight away to the building lying in the third (British) zone. He kept the taxi waiting while he mounted to the third floor.

---

*Здесь только небольшой фрагмент книги.
Полностью книгу можно купить на сайте www.franklang.ru в
соответствующем языковом разделе (английский язык), в подразделе
«Тексты на английском языке, адаптированные по методу чтения Ильи
Франка»*